
как

почти

честно

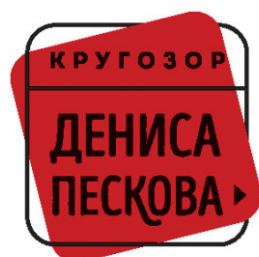
выиграть

выборы

Ник Чизмен
Брайан Клаас

Кругозор Дениса Пескова

Ник Чизмен

**Как почти честно
выиграть выборы**

«ЭКСМО»

2018

УДК 324
ББК 66.3(0)

Чизмен Н.

Как почти честно выиграть выборы / Н. Чизмен — «Эксмо»,
2018 — (Кругозор Дениса Пескова)

ISBN 978-5-04-158061-2

Есть два пути к победе на выборах: честный и почти честный. Честный предполагает конкурентную и прозрачную борьбу за сердца избирателей. Почти честный – манипуляции с общественным мнением, запугивание оппонентов, управляемые нарушения на избирательных участках.

Известные политологи Ник Чизмен и Брайан Клаас собрали «лучшие» мировые практики, позволяющие задержаться у власти чуть дольше. Они проанализировали опыт самых разных стран – от России до США и от Аргентины до Зимбабве и пришли к выводам, которые на первый взгляд могут показаться парадоксальными. Регулярное проведение выборов гораздо эффективнее запрета на их проведение – вопрос лишь в том, как именно эти выборы проводятся. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 324
ББК 66.3(0)

ISBN 978-5-04-158061-2

© Чизмен Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Вступление. Как разобраться с проблемой выборов?	6
Что считается фальсификациями?	10
Расцвет многопартийных выборов	12
Что такое демократия	15
Остаться или уйти?	17
Арсенал авторитарного лидера	24
Укрепление демократии	27
Глава 1. Невидимая подтасовка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ник Чизмен, Брайан Клаас

Как почти честно выигрывать выборы

How to Rig an Election

by Nick Cheeseman & Brian Klaas

© Ольга Кузнецова, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Вступление. Как разобраться с проблемой выборов?

Великий парадокс нашего времени: сегодня проводится больше выборов, чем когда бы то ни было, однако мир становится все менее демократичным.

Куда ни посмотришь, почти везде – выборы. Подавляющее большинство правительств утруждает себя избирательными кампаниями и провозглашает, что руководство страны будет избрано электоратом. И тем не менее во многих случаях этот выбор – лишь иллюзия. Избирательная гонка с самого начала предопределена.

Посмотрим на выборы 2013 года в Азербайджане, где крайне репрессивное правительство президента Ильхама Алиева решило поднять свой демократический рейтинг, запустив специальное приложение для смартфонов. Оно позволяло гражданам следить за подсчетом голосов в реальном времени, по мере того как избиркомы обрабатывают бюллетени. Правительство очень гордилось таким прозрачным подходом к голосованию. Но избиратели, решившие протестировать новую технологию, с удивлением обнаружили, что результат подсчета отображался в приложении за день до открытия избирательных участков.

Другими словами, любой гражданин, установивший приложение, мог посмотреть, кто победил, кто проиграл и на сколько процентов, еще до того, как бюллетени опущены в урны. Когда журналисты обратили внимание на эту занятную машину времени, правительство дало задний ход и заявило, что эти данные относятся к прошлым выборам. Однако объяснение не выдержало критики: список кандидатов совпадал именно с нынешней кампанией. Режим невольно разоблачил собственную попытку фальсификации, а цифровые технологии лишь привлекли к махинациям дополнительное внимание¹.

Возникает соблазн отнести азербайджанские политтехнологии к курьезным перегибам. Нам хочется верить, что выборы – поистине прогрессивный политический институт, а случай Азербайджана – лишь исключение, подтверждающее правило. Однако в других авторитарных государствах, где лидеры проводят выборы, не стесняя себя прочими демократическими механизмами, фальсификации – не редкость, а норма жизни. После окончания холодной войны большинство голосований, проводимых в этих странах, включает те или иные формы электоральных манипуляций. Частично благодаря им авторитарные руководители выигрывают примерно в 90 % случаев². Несмотря на видимость конкуренции и разнообразия, такие выборы приносят не перемены, а укрепление текущей власти³.

Если вам кажется, что на сомнительные голосования приходится лишь небольшая часть всех выборов, проводимых в мире, то вот вам пища для размышлений. По шкале от 1 до 10, где 10 означает кристально чистые выборы, а 1 – самые возмутительные, средний общемировой балл – лишь 6. В Азии, Африке, посткоммунистической Европе и на Ближнем Востоке средний балл тяготеет к 5 (см. Приложение 7)⁴. Более того, даже если абстрагироваться от авторитарных стран и посмотреть на глобальный спектр выборов, лишь около 30 % голосований приводят

---

¹ Brian Klaas. *The Despot's Accomplice: How the West is Aiding and Abetting the Decline of Democracy* (London: Hurst, 2016): 83; Max Fisher (2013), "Oops: Azerbaijan Released Election Results before Voting Had Even Started", *Washington Post*, 9 October 2013; <http://www.washington-post.com/news/worldviews/wp/2013/10/09/oops-azerbaijan-released-election-results-before-voting-had-even-started> (дата обращения – 10 ноября 2017).

² Расчеты авторов, основанные на данных из NELDA и Polity IV. Подробнее см. в Приложении 1.

³ См., например: Steven Levitsky and Lucan Way (2002). "The Rise of Competitive Authoritarianism", *Journal of Democracy* 13, no. 2 (2005): 51–65.

⁴ Michael Coppedge, John Gerring, Staffan I. Lindberg, Svend-Erik Skaaning, Jan Teorell, David Altman, Frida Andersson, Michael Bernhard, M. Steven Fish, Adam Glynn, Allen Hicken, Carl Henrik Knutsen, Kelly McMann, Valeriya Mechkova, Farhad Miri, Pamela Paxton, Daniel Pemstein, Rachel Sigman, Jeffrey Staton and Brigitte Zimmerman (2016), *Varieties of Democracy (VDem) Codebook v6*.

к передаче власти⁵. Другими словами, текущий лидер побеждает в 7 из 10 случаев – и этот показатель почти не изменился с начала 1990-х годов.

Картина не особенно улучшается, даже если на минуту отвлечься от выборов и сконцентрироваться на широком контексте, в котором они происходят. Когда закончилась холодная война, некоторые ученые и политики ударились в рассуждения о якобы приближающемся «конце истории»⁶. Мол, все страны медленно, но верно движутся в сторону либеральной демократии. Сегодня такие идеи иначе как наивным оптимизмом не назовешь. В реальности последнее десятилетие ознаменовалось постепенным снижением уровня демократичности во всем мире. Более того, нет оснований считать, что эта тенденция замедляется. По данным американской организации Freedom House, исследующей вопросы демократии, в 2017 году семьдесят одна страна продемонстрировала деградацию политических прав и гражданских свобод, и лишь тридцать пять улучшили свой уровень⁷.

Тот год был особенно неудачным для демократического развития мира, однако это общая тенденция. На протяжении последних 12 лет в большинстве стран демократия не укрепила, а сдала позиции. Примечательно, что этот процесс не сконцентрирован в одной части света и не является локальной тенденцией отдельных регионов. Напротив, эрозия демократических институтов наблюдается во всех регионах третьей волны демократизации – Латинской Америке, Восточной Европе и Африке, а также там, где демократизация еще впереди – например, на Ближнем Востоке. Характерно, что в пятерку стран, показавших наибольший демократический откат в 2017 году, вошли, в порядке выраженности, Турция, Центральная Африканская Республика, Мали, Бурунди и Бахрейн. Не особенно отстали от них Венесуэла и Венгрия⁸.

Эти изменения особенно бросаются в глаза по контрасту с другим глобальным трендом последних лет: растущей популярностью многопартийных выборов. Как получилось, что расцвет голосований совпал с десятилетием демократической деградации? Разгадка проста: диктаторы, автократы и фальшивые демократы разобрались, как фальсифицировать выборы и выходить сухими из воды. Все больше авторитарных элит принимают участие в конкурентных многопартийных голосованиях, но не желают отдавать свою судьбу в руки электорату. Иными словами, выборов все больше, но и фальсификаций – тоже.

Эта часть истории – глобальный демократический регресс и неспособность выборов в одиночку обеспечить демократию – уже привлекла большое внимание ученых и журналистов⁹. Международные лидеры продолжают публично восхвалять преобразовательную мощь института выборов, включая те, что проходят в суровейших условиях, вроде Афганистана и Ирака. Однако свежий опыт показывает, что правительствам вполне по силам поставить многопартийность себе на службу¹⁰. Многих удивит тот факт, что в целом ряде стран широкое голосование не только не угрожает власти диктатора, но и порой активно укрепляет ее. Дело в том, что, проводя выборы, потрепанные правительства, как правило, получают второе дыхание и осваивают ценные экономические ресурсы, такие как международная помощь, а правящая партия в это время наполняется свежими силами и успешно сеет распри в стане оппозиции. Как следствие, ряд авторитарных режимов, которые почти выпустили власть из рук, при помощи изби-

⁵ Susan D. Hyde, Nikolay Marinov. “Which elections can be lost?”, *Political Analysis* 20, no. 2 (2012): 191–201.

⁶ Происхождение этой фразы см.: Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (New York: Free Press, 1992): 1–20.

⁷ Freedom House. “Freedom in the world 2017”; <http://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2017> (дата обращения – 29 января 2018).

⁸ Там же. Freedom House. “Freedom in the world 2017”; <http://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2017> (дата обращения – 29 января 2018).

⁹ См., например: Dwight Y. King. *Half-Hearted Reform: Electoral Institutions and the Struggle for Democracy in Indonesia* (Westport, CT: Praeger Publishers, 2003): 7.

¹⁰ Две наиболее важные недавние работы по этому вопросу: Sarah Birch. *Electoral Malpractice* (Oxford University Press, 2014); Pippa Norris. *Why Electoral Integrity Matters* (Cambridge University Press, 2014).

рательной урны не только сумели одержать победу на очередных выборах, но и восстановили свое политическое доминирование.

Другими словами, если авторитарные лидеры могут проводить выборы и при этом оставаться у власти, то они получают все козыри – аккумулируют еще больше ресурсов, придают себе легитимности и остаются у руля. Нельзя сказать, что автократы обожают выборы: большинство из всех сил сопротивляется введению многопартийной системы – отчасти потому, что, с их точки зрения, оппонирование и несогласие не являются полноправной политической деятельностью. Но когда в стране появляются конкурентные выборы, многие автократические режимы демонстрируют удивительные способности к адаптации под новую реальность. В результате авторитарные системы, проводящие выборы, но не допускающие оппозиционные партии до настоящей конкуренции, оказываются долговечнее своих собратьев¹¹.

В данной книге мы изучаем, почему такое стало возможно и как это происходит. В то время как меньшинство авторитарных правительств одерживает победу на выборах легитимными методами, большинство применяет набор стратегий, чтобы исключить неприятные сюрпризы. Таким образом, во многих странах мира искусство политической борьбы превратилось в искусство электоральных манипуляций.

Нельзя сказать, что махинациям подвержены все выборы. Кроме того, авторитарные лидеры не полагаются только на фальсификации. В реальности предприимчивые автократы понимают, что «подкрутить» результат гораздо легче при условии широкой поддержки населения. Им также очевидно, что чем меньше масштаб фальсификаций, тем легче их скрыть. Таким образом, электоральные манипуляции являются лишь одним из инструментов в руках эффективного диктатора. Однако, учитывая все вышесказанное, этот инструмент поистине незаменим.

Многие годы оба автора этой книги путешествовали по миру, чтобы лучше понять парадокс распространения выборов и одновременного снижения их качества. Мы внимательно наблюдали за голосованиями в самых разных условиях, и наши выводы основаны на многомесячных полевых исследованиях в 11 странах Африки южнее Сахары, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. В общей сложности мы опросили более 500 представителей элиты из этих стран – от премьер-министров и президентов, подтасовывавших результаты, до сотрудников низовых избирательных комиссий, от послов до местных гуманитарных работников, от оппозиционных кандидатов до мятежников и заговорщиков, разочаровавшихся в демократии.

В нашей книге мы подытожили эти интервью из гущи событий, полученные за сотни тысяч километров наших странствий, и наложили на мировую статистику по всем выборам, проведенным с 1960 года по сей день¹² (подробнее см. Приложение 1). Кроме того, мы использовали новейшие аналитические политологические исследования, чтобы собрать полный ассортимент фальсификаций и понять, почему их не удается предотвратить. В отличие от других важных работ последних лет, посвященных анализу количественных показателей¹³,

---

¹¹ См.: Philip G. Roessler and Marc Morjé Howard. "Post-Cold War political regimes: when do elections matter?" // Staffan Lindberg (ed.). *Democratization by Elections: A New Mode of Transition* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2009): 101–27, 120. Авторы проводят границу между тремя типами авторитарных систем: закрытые авторитарные системы, которые не проводят выборов; гегемонные системы, позволяющие проведение выборов, но не допускающие значимой конкуренции; конкурентные авторитарные системы, в которых разворачивается существенная борьба, но в несвободных и нечестных условиях. Основываясь на анализе глобальной статистики 1987–2006 годов, они обнаружили, что гегемонные авторитарные системы, проводящие выборы, но под жестким контролем, склонны к гораздо большей стабильности по сравнению с закрытыми авторитарными системами, где не проводятся выборы в принципе. Однако те же исследователи обнаружили, что, когда выборы в автократии становятся более открытыми, как в конкурентном авторитаризме, перспективы устойчивости режима существенно падают (мы вернемся к этому вопросу в заключении).

¹² Книга вышла на английском языке в 2018 году. – *Прим. пер.*

¹³ См., например: Birch (2011), *Electoral Malpractice*; Pippa Norris. *Why Elections Fail* (Cambridge University Press, 2015); Susan Hyde. *The PseudoDemocrat's Dilemma: Why Election Observation Became an International Norm* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015).

мы концентрируемся на уроках всех этих событий и закономерностях, которые нам довелось воочию наблюдать. Главным образом, мы опираемся на случаи стран, которые нам лучше всего известны – Беларуси, Кении, Мадагаскара, Нигерии, Таиланда, Туниса, Уганды, США и Зимбабве.

Что считается фальсификациями?

Поскольку термин «фальсификации» весьма дискуссионный, важно не путать их с электоральными стратегиями, которые лежат в основе любого демократического процесса. В данной книге мы осознанно проводим границу между нарушениями и стандартными предвыборными обещаниями ради завоевания поддержки. Популистские кампании могут упрочить позиции текущего лидера, который обычно располагает куда большими ресурсами по сравнению с оппозицией, но обращение к потребностям избирателей – все-таки неотъемлемая часть демократической политики. Кроме того, мы разделяем нарушения и обычные преимущества правящей власти, такие как способность запускать государственные программы во время предвыборных кампаний, а также тот факт, что президенты и премьер-министры, как правило, между выборами получают больше внимания СМИ, чем оппозиционные лидеры. Подводя итог вышесказанному, нужно отметить, что фальсификации представляют собой незаконные и недемократические инструменты влияния на политическое поле в пользу одной партии либо кандидата и в ущерб остальным.

Фальсификации можно разбить на шесть категорий нарушений. Первая – это перекройка избирательных округов (глава 1), благодаря которой руководители искажают размер и границы электоральных групп, чтобы получить преимущество в парламентских выборах¹⁴. Из-за этого оппозиционные партии могут в итоге обрести меньше мест, даже если получили больше голосов. Вторая категория – подкуп избирателей (глава 2), который предполагает прямую оплату поддержки граждан: денежные подарки или, как это часто называют в Африке, «приятные мелочи». Это может быть эффективным способом заручиться голосами, которые иначе вам не достались бы, однако это недешево. Вдобавок, когда голосование проходит тайно, трудно контролировать результат. Избиратели могут принимать подкуп от одного кандидата, а затем бросать бюллетень в пользу другого без каких-либо последствий для себя.

Автократы могут также задействовать третью категорию фальсификаций – развернуть репрессии, чтобы помешать остальным кандидатам вести предвыборную кампанию (глава 3). Отрезать их от доступа к СМИ, запугивать их сторонников, чтобы не дать им проголосовать. Если и эти стратегии не сработают, у фальшивой демократии остаются еще два туза в рукаве. Это электронный взлом голосования (глава 4), чтобы изменить ход гонки, а порой и переписать результат, а также вбросы в избирательные урны (глава 5) – накрутка голосов или организация многократного голосования, чтобы повысить итоговый процент нужного кандидата. А чтобы прикрыться от обвинений за подобные фокусы, текущая власть может привлекать международное сообщество (глава 6), легитимизируя низкокачественные голосования руками спонсоров. Впрочем, три последние категории фальсификаций могут вызвать шквал критики на голову автократов, поэтому самые эффективные из них не откладывают подтасовки на последний момент.

Эти стратегии приносят как выгоды, так и расходы, поэтому их применение зависит от того, насколько уязвима позиция авторитарного лидера в текущий момент. Очевидно, что наиболее заметные формы фальсификаций – вбросы пачек бюллетеней и гонения на оппозицию. Из-за этого их применение рискованно, а наблюдателям, иностранным правительствам и собственным гражданам легко распознать нечистую игру¹⁵. В связи с этим умудренные опытом режимы начинают манипулировать избирательным процессом задолго до дня голосования.

---

¹⁴ См.: Ferran Martínez i Coma and Ignacio Lago. “Gerrymandering in comparative perspective”, *Party Politics*, DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068816642806> (дата обращения – 17 декабря 2017).

¹⁵ См., например: R. Michael Alvarez, Thad E. Hall and Susan D. Hyde (eds). *Election Fraud: Detecting and Deterring Electoral Manipulation* (Washington, DC: Brookings Institution Press, 2015).

Если их усилия окажутся плодотворны, вмешательство в голосование и политические преследования даже не понадобятся, поскольку результат будет предрешен.

О спорных избирательных технологиях разных стран написано немало, но немногие авторы рассмотрели полный ассортимент инструментов, доступных руководству страны, и проследили, как различные комбинации стратегий открывают новые возможности. Иначе говоря, нынешний политологический анализ часто фокусируется на отдельных электоральных нарушениях, однако важен широкий взгляд на все рычаги в распоряжении текущего лидера, а также оценка их стоимости и взаимозаменяемости, если какой-то станет неоправданно затратным¹⁶. Глядя на весь инструментарий автократа, мы выявляем возможности текущей власти задействовать целый спектр различных стратегий, чтобы повернуть ход многопартийных выборов в свою пользу. Таким образом, демократическая декорация начинает работать на укрепление авторитарного режима.

Но чтобы понять, почему этот процесс в принципе происходит, сначала мы должны объяснить растущее распространение многопартийных выборов, причины, по которым автократы настолько жаждут сохранить власть, а также рассмотреть альтернативы, встающие перед ними в противном случае.

---

¹⁶ Идея арсенала взаимозаменяемых инструментов, доступного президенту, изначально была разработана в сотрудничестве с Полом Чейсти и Тимоти Пауэром в отношении методик, которые позволяют президентам формировать парламентские коалиции. См.: Paul Chaisty, Nic Cheeseman and Timothy Power. "Rethinking the 'Presidentialism Debate': Conceptualizing Coalitional Politics in Crossregional Perspective", *Democratization* 21, no. 1 (2014): 72–94; Paul Chaisty, Nic Cheeseman and Timothy Power. *Coalitional Presidentialism in Comparative Perspective* (Oxford University Press, 2018).

Расцвет многопартийных выборов

Многие полагают, что за последние 30 лет удержаться у власти авторитарному лидеру стало труднее¹⁷. Понятно, почему складывается такое впечатление. В 1970-х и 1980-х годах мировые лидеры, такие как США, во внешней политике делали акцент не на продвижении демократии, а на поддержке власти своих геополитических союзников, какой бы ни была их репутация. Под огромным давлением холодной войны, опасаясь уступить территорию Советскому Союзу, даже те страны, которые развивали демократию для своих граждан, были готовы пожертвовать ею за рубежом ради стратегии «сдерживания». В результате целый ряд западных стран участвовал в укреплении режимов в Африке, Азии и Латинской Америке, устремляя потоки денежных средств и оружия в руки лидеров, у которых зачастую не осталось ни моральных, ни экономических опор. В то же время Советский Союз содержал несколько «ручных режимов» и авторитарных правителей в Восточной Европе, что часто выливалось в жестко доминирующую однопартийную систему, в которой оппозиция подвергалась яростным репрессиям, а политическое поле было под тотальным контролем.

Страны Латинской Америки первыми из этих государств совершили рывок в сторону демократии в конце 1970-х и в течение 1980-х годов, подогреваемые аналогичными процессами в своих бывших метрополиях – Испании и Португалии. К 1990-м лед холодной войны начал таять, и к странам Восточной Европы подкатила третья волна демократизации, как ее назвал политолог Сэмюэл Хантингтон¹⁸. С одной стороны, внутренний распад Советского Союза привел к краткому моменту американской гегемонии, когда казалось, будто демократия и капиталистический рынок одержали верх над однопартийными государствами и социалистической экономикой. С другой стороны, западных людей начали беспокоить проблемы, не затрагивающие их лично (например, экология и права человека), и растущая популярность этих «постматериалистических» ценностей сделала избирателей более чувствительными к внешнеполитическому курсу их правительств¹⁹. В то же время Всемирный банк и Международный валютный фонд – крупные межнациональные финансовые институты, у которых в долгу были многие авторитарные лидеры, – начали использовать свои рычаги, чтобы способствовать реформам «ответственного управления». Они стремились перезапустить экономики данных стран, чтобы обеспечить себе выплату долгов.

Все вместе эти тенденции поменяли международную политическую арену, пусть и на краткий миг. Теперь как в Африке, так и в Восточной Европе авторитарные режимы, нуждавшиеся в международной поддержке, оказались гораздо восприимчивее к общественной критике. Она звучала и раньше, однако не находила большого резонанса. По мере того как росло внутреннее давление в сторону открытия политических систем, народное недовольство привело к формированию гражданских групп, выступающих за политические реформы, и массовых протестов. У многих авторитарных правительств не хватало силовых ресурсов, чтобы подавить эти движения. Не было и экономических инструментов, чтобы склонить их к сотрудничеству. В итоге им пришлось смириться с некоторой степенью демократизации в ее самой распространенной современной форме: многопартийных выборов. Со временем даже отъяв-

---

¹⁷ См., например: Ewan Harrison and Sara McLaughlin Mitchell. *The Triumph of Democracy and the Eclipse of the West* (New York: Palgrave Macmillan, 2013): 75–97.

¹⁸ Классический текст, давший название «третьей волне»: Samuel P. Huntington. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1993).

¹⁹ О постматериалистических ценностях см. значимые работы Рональда Инглхарта, особенно Ronald F. Inglehart. “Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006”, *West European Politics* 31, no. 1–2 (2008): 130–46; Ronald Inglehart и Scott C. Flanagan. “Value Change in Industrial Societies”, *American Political Science Review* 81, no. 4 (1987): 1289–319.

ленные диктаторы, такие как Зин аль-Абидин Бен Али²⁰ в Тунисе, начали организовывать выборы, внешне напоминающие демократические.

В результате на сегодняшний день проводится больше многопартийных выборов, чем когда-либо в истории²¹. Со среднего показателя 30 в год в начале 1950-х их количество постоянно растет; особенно этот рост ускорился в 1990-е, с политической либерализацией Африки южнее Сахары. Сегодня каждый год происходит около 70 общенациональных голосований – их количество выросло более чем в два раза за прошедшие 13 лет (см. Приложение 3)²². Важно отметить, что этот рост не ограничен рамками одного региона или одного типа государства. Общегосударственные голосования охватили практически весь мир. Единственным регионом, где количество выборов в 2012 году было ниже, чем в 1946 году, оказалась Латинская Америка.

Распространение многопартийных выборов существенно изменило политический контекст, в котором автократы борются за сохранение власти. Тридцать лет назад целью типичного диктатора было избежать выборов, сегодня его цель – избежать поражения на выборах. Людям кажется, будто сегодня жизнь автократов неслыханно тяжела, но это представление базируется на негласном допущении, будто выиграть выборы сложнее, чем запретить их.

Есть немало причин считать, что сохранение власти в условиях избирательного процесса должно трудно даваться авторитарному руководству. Начать с того, что автократов редко почитают в народе за объединение нации. За время правления они, как правило, успевают оттолкнуть своими политическими решениями существенную часть общества. Беглый взгляд на реформаторские движения, которые положили конец африканским однопартийным режимам в начале 1990-х, хорошо иллюстрирует этот вывод. Практически все протесты состояли из людей, побитых, разочарованных либо пораженных в правах правительством за предыдущие 30 лет²³. То же самое можно сказать о других регионах, где оппозиция деспотизму опиралась не на единую идеологию или платформу, а на общий протест против лидера страны и того, что он натворил, пока был у власти.

В то же время разрушение старой системы авторитарного правления – военной, однопартийной или личной диктатуры – также предполагает некоторую слабость элит. А значит, когда внедряются многопартийные выборы, реформисты и оппозиционеры зачастую находятся на подъеме. Далее СМИ начинают освещать долгожданную избирательную кампанию в том ключе, что текущая власть обречена на проигрыш, поскольку не способна вписаться в современный демократический ландшафт. Было бы заманчиво считать, что удержать авторитарную власть стало сложнее, но, как показывает история, в основном это не так. Напротив, авторитарные правительства демонстрируют крайнюю живучесть. Они способны «побеждать» на выборах даже в условиях низкой популярности.

Во многих случаях выборы проводились без сопутствующих политических реформ, оставив автократам все рычаги в своих политических системах. В свою очередь, законные и не очень преимущества нахождения у власти, к которым привел подобный расклад, поставили перед оппозицией практически невозможные барьеры на пути к конкуренции. Фактически в тех странах, которые мы окрестили фальшивыми демократиями, голосования очень редко приводят к переходу власти²⁴. Напротив, в подавляющем большинстве голосований побеждает

²⁰ Зин аль-Абидин Бен Али – президент Туниса с 1987 по 2011 год. В ходе «второй жасминовой революции» вынужденно бежал из страны в Саудовскую Аравию. На родине был заочно приговорен к 35 годам заключения, обвинялся в хищении, коррупции, причастности к гибели демонстрантов. – Прим. пер.

²¹ Определяются как общенациональные выборы в органы законодательной или исполнительной власти, которые включают более одного кандидата в бюллетене из партий, отличных от партии власти. Региональные выборы в определение не включены, как и общенациональные выборы в случае единственного кандидата от текущей власти в бюллетене.

²² Hyde and Marinov (2012), “Which Elections Can Be Lost?”.

²³ Carolyn Baylies and Morris Szeftel. “The Fall and Rise of Multi-party Politics in Zambia”, *Review of African Political Economy* 19, no. 54: 75–91.

²⁴ См.: Larry Jay Diamond. “Thinking about hybrid regimes”, *Journal of Democracy* 13, no. 2 (2002): 21–35; Andreas Schedler.

текущий лидер государства²⁵. Можно сказать, на наших глазах наступила эпоха, в которой лишь небольшой процент выборов заканчивается политическими переменами²⁶.

Можно посмотреть на ситуацию с другой стороны. Многие страны, фигурирующие в этой книге, не дошли до светлого момента качественной демократии, чтобы потом низвергнуться в пучину авторитаризма. Наоборот, в большинстве случаев это был банальный переход от одной формы автократии к другой. Следовательно, о части государств в этой книге правильнее говорить в терминах укрепления или построения демократии, а не ее защиты или спасения.

Это важный момент, поскольку он помогает объяснить, почему демократическая консолидация забуксовала в самых разных регионах мира. Большинство стран нельзя назвать ни полными диктатурами, ни укоренившимися демократиями – они находятся в спектре между этими полюсами. Тем не менее электоральные преимущества, которыми пользуется правящая партия, отражают лишь половину картины. Дело не только в том, что введение многопартийной системы часто неспособно поменять политическую иерархию. Еще бо́льшая проблема заключается в том, что новые правила позволяют текущей власти упрочить свои позиции. Придавая политической системе легитимности, выборы открывают текущему руководителю доступ к международной финансовой помощи. Формально удовлетворяется одно из главных требований оппозиции и гражданских движений, но вместе с тем авторитарный режим продлевает свою жизнь. Вот почему мы обнаруживаем, что диктатуры, проводящие жестко контролируемые голосования, оказываются прочнее, чем те, что не ответили на вызов времени²⁷.

Другими словами, пока политический процесс находится в стальной руке автократа, его режим имеет больше шансов на выживание при условии проведения выборов и их фальсификации, чем при полном отрицании выборов. На этой тревожной мысли и построена наша книга.

The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism (Oxford University Press, 2012), вступление. Понятие «фальшивая демократия» см.: Klaas (2016), *The Despot's Accomplice*.

²⁵ Gideon Maltz. "The Case for Presidential Term Limits", *Journal of Democracy* 18, no. 1 (2007): 128–42.

²⁶ См., например: Nic Cheeseman. "African Elections as Vehicles for Change", *Journal of Democracy* 21, no. 4 (2010): 139–53.

²⁷ Roessler and Howard (2009). "Post-Cold War Political Regimes": 118–22.

Что такое демократия

Дискуссия о различных типах политических систем требует, чтобы мы уделили немного времени ключевым терминам, используемым в нашем анализе. Типологии часто наводят тоску, а научные выкладки вызывают у читателя желание закрыть книгу. Но все же нам не обойтись без нескольких быстрых пояснений. Тип режима существенно влияет на исход электорального процесса, и мы хотим объяснить, что подразумеваем под этими ярлыками.

Мы выделяем на шкале демократичности четыре базовых типа политической системы. Первый тип – это чистые авторитарные режимы, в которых вообще не проводятся выборы, например Китай, Эритрея и Саудовская Аравия. Второй тип – доминантный авторитаризм, при котором выборы проводятся в условиях чрезвычайно подавленных политических прав и гражданских свобод, так что оппозиция едва способна конкурировать, – например в России, Руанде и Узбекистане. Третий тип на нашей шкале обозначает конкурентный авторитаризм – в этих странах разворачивается горячая борьба, однако оппозиционная партия вынуждена оглядываться и осторожничать²⁸. Такой тип политической системы сложился, например, в Кении и Украине. И наконец есть страны электоральной демократии, такие как США и Великобритания, где выборы, за редкими исключениями, проходят достаточно свободно и честно²⁹. Полный список стран, которые мы обсуждаем в книге, и их уровень демократии приведены в Приложении 15.

Главным предметом нашего интереса являются второй и третий типы, то есть доминантный и конкурентный авторитаризм, где выборы нельзя назвать ни свободными, ни справедливыми. Для простоты повествования, чтобы избежать громоздкой терминологии, в дальнейшем мы объединяем эти страны общей категорией – фальшивые демократии. Мы выбрали этот термин, поскольку он подчеркивает главную характеристику этих государств, а именно внешнюю имитацию демократической системы, хотя в реальности они устроены совершенно иначе. Однако важно помнить, что шансы на победу оппозиции и долгосрочное укрепление демократии внутри этой категории стран сильно различаются.

Для стран как второго, так и третьего типа ежегодная вероятность продолжения режима исключительно высока и составляет более 80 %³⁰. Тем не менее жизнь предсказуемо показывает, что наиболее стабильные системы – доминантно-авторитарные, которые жестко подавляют конкуренцию для организации своих оглушительных электоральных побед. С другой стороны, страны конкурентного авторитаризма с гораздо большей вероятностью ожидают переход власти и дрейф в сторону демократии, поскольку они более открыты, а их результаты ближе к реальности³¹. К этой теме мы не раз вернемся по ходу книги, главным образом в заключении, когда поставим вопрос, как и где демократию можно укрепить.

²⁸ Классическая работа по конкурентным авторитарным странам: Steven Levitsky and Lucan A. Way. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War* (Cambridge University Press, 2010).

²⁹ Наша шкала основана на наличии многопартийности, а также на уровне политических прав и гражданских свобод в данный момент. Следовательно, она не вполне точно накладывается на прочие демократические индексы. Однако, если читателям интересно узнать, как это можно перевести в баллы индекса государственного устройства (polity index) или шкалу Freedom House, используя Polity IV Regime Type, наш спектр будет выглядеть так: закрытая автократия (от –10 до –5), доминирующая автократия (от –5 до 0), конкурентная автократия (от 0 до 5), электоральная демократия (от 6 до 10). Дискуссию по данным и методологии Polity см.: Monty G. Marshall. “Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013”, Polity IV (2014); <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm> (дата обращения – 10 ноября 2017). Шкала Freedom House (чья баллы 1–14 совмещают политические права и гражданские свободы, где нижний балл означает больше свободы), перевод был бы таким: закрытая автократия (от 7 до 6), доминирующая автократия (от 5 до 4), конкурентная автократия (3), электоральная демократия (от 2 до 1). Дискуссию по данным и методологии Freedom House см. в Freedom House. “Freedom in the World 2012: Methodology”; <https://freedomhouse.org/report/freedom-world-2012/methodology> (дата обращения – 10 ноября 2017).

³⁰ Roessler and Howard (2009), “Post-Cold War Political Regimes”: 119.

³¹ Roessler and Howard (2009), “Post-Cold War Political Regimes”: 120.

Но прежде чем двигаться дальше, давайте разберемся, как эти разнообразные режимы появляются на свет. Почему матерым автократам так сложно расстаться с властью? Что мешает формированию демократии? Какие факторы определяют степень репрессивности режима? И по каким показателям можно судить, куда движется режим – к доминантному типу или конкурентному?

Остаться или уйти?

Когда над авторитарным лидером нависает угроза демократизации, он вынужден выбирать между оливковой ветвью и железным кулаком. Он может сдать часть территории и пойти на уступки оппонентам либо разгромить оппозицию и зацементировать существующую политическую систему силовыми методами. Его выбор будет зависеть от того, что, с его точки зрения, покажется выгоднее – реформы или репрессии³². Калькуляция несложная: нужно определить стоимость обеих альтернатив и их шансы на успех³³. Однако не будем забывать, что эта стоимость весьма субъективна. Иначе говоря, лучшая стратегия – не всегда та, что дешевле. Важно и то, как данный руководитель страны относится к нарушению прав человека, какую память о себе хочет оставить в истории. Диктаторы не всегда ведут себя рационально, с точки зрения окружающих.

Более того, стоимость репрессий может оказаться немаленькой. Кроме затрат на вооружение и зарплату силовикам, а также на склонение оппозиции к сотрудничеству, сюда входят репутационные потери лидера и ухудшение международного статуса в случае применения силы против собственных граждан. К примеру, это частично объясняет, почему египетский президент Хосни Мубарак оставил яростные протесты на площади Тахрир во время «арабской весны»³⁴ без серьезного вмешательства и не пытался раздавить протест. Применение государственного репрессивного аппарата обошлось бы очень дорого, особенно учитывая нежелание военных выступать против демонстрантов. Пришлось свой железный кулак придержать. Таким образом, по выражению экономиста Пола Коллиера, в большинстве случаев лидер применяет политическое насилие в зависимости от реакции окружающих стран – готовы ли они поддержать его финансово, поставить оружие и смотреть на происходящее сквозь пальцы³⁵.

Однако реформы тоже могут дорого обойтись: полноценная политическая либерализация повышает вероятность того, что оппозиция нанесет текущему лидеру электоральное поражение. Насколько эта перспектива страшит автократа, зависит от типа его личности, от выгод, которые приносит нахождение во власти, и от того, чем он рискует, упустив эту власть из рук. Другими словами, решение, фальсифицировать или нет, скорее является уравниванием с несколькими переменными, а не банальным побочным эффектом диктатуры.

Народные и журналистские обсуждения обычно вращаются вокруг шкурных и коррупционных аспектов этой формулы. Возникает соблазн решить, что лидер отказывается покидать пост лишь потому, что жить не может без власти и исключительных привилегий, истекающих из нее. В конце концов, одна из черт, объединяющих многие авторитарные режимы, – попытка построить культ личности вокруг руководителя. Так, печально известного угандийского диктатора Иди Амина не удовлетворял простой статус президента. Он поменял свой титул на «Его Высокопревосходительство, Пожизненный Президент, Фельдмаршал Аль-Хаджи Доктор Иди Амин Дада, кавалер орденов “Крест Виктории”, “За выдающиеся заслуги”, “Военный крест”, Повелитель всех земных зверей и морских рыб, Завоеватель Британской империи во всей Африке и в Уганде в частности» – не считая, разумеется, титула Последнего Короля Шотландии. Президент Того Гнассингбе Эйадема пошел еще дальше и нанял труппу

---

³² Robert Dahl. *Polyarchy: Participation and Opposition* (New Haven, CT: Yale University Press, 1972): 15.

³³ Эти рамки основаны на: Nic Cheeseman. *Democracy in Africa: Successes, Failures, and the Struggle for Political Reform* (Cambridge University Press, 2015).

³⁴ Волна протестов и восстаний, охватившая арабский мир в начале 2011 года. – *Прим. ред.*

³⁵ Paul Collier. *Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places* (New York: Random House, 2008), особенно с. 103–21.

юных танцовщиц, которые следовали за ним по пятам и пели дифирамбы. Кроме того, вышла книга комиксов, которая рассказывала о его многочисленных «суперспособностях»³⁶.

Попробуйте сходить в кино в Бангкоке – перед показом вы увидите помпезную многомиллионную короткометражку, где восхваляется правящая тайская династия и ее военный лидер. Не отставал от вышеупомянутых и покойный диктатор Туркменистана Сапармурат Ниязов, заменивший в национальном языке слово «хлеб» на «гурбансолтан» (имя своей матери). Кроме того, он запретил всей стране курить, чтобы бросить привычку самому, и поставил в роскошной мраморной столице – Ашхабаде – золотой монумент стоимостью \$12 млн, который вращается, чтобы всегда смотреть на солнце³⁷.

В общем, не остается никаких сомнений, что многие мировые авторитарные лидеры раздувают свой статус и купаются в привилегиях как сыр в масле. Как утверждает, говоря о Кении, шесть лет освещавшая события в Африке журналистка Мишела Ронг, в коррумпированной системе больше всех выигрывают люди на самом верху пирамиды³⁸. Пожалуй, один из самых скандальных примеров – это цепочка нигерийских президентов, укравших в общей сложности более \$20 млрд из государственного бюджета за последние 30 лет. Эта сумма превышает помощь от ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) всем странам Африки за тот же период³⁹. Что характерно, удерживая власть, авторитарная система получает больше личной выгоды, чем демократическая. Следовательно, выше и потенциальные убытки от реформ либо поражения. Согласно Индексу восприятия коррупции, фальшивые демократии, которые проводят выборы, не связывая себе руки демократическими механизмами, демонстрируют высокие уровни коррумпированности. По шкале от 0 до 100, где низкие баллы обозначают больший уровень коррупции, типичная фальшивая демократия получает лишь 29 баллов. Это означает, что в стране сложилось широкое поле для персонального обогащения элит. Иными словами, возможности для коррупции хорошо коррелируют со слабостью демократии.

Учитывая вышесказанное, важно отметить, что эта тенденция прослеживается не во всех авторитарных режимах. Оба автора этой книги беседовали с бывшим президентом Замбии Кеннетом Каундой, который правил однопартийной страной в 1972–1991 годах. Нас поразила относительная скромность его манер и обстановки. Каунду можно обвинять в репрессиях и плохом управлении, и, разумеется, он пользовался привилегиями главы государства, но почти нет свидетельств о несметных богатствах, которые мог бы накопить авторитарный лидер за годы президентства. Есть и другой пример – первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю⁴⁰. Однако такие авторитарные лидеры – скорее исключение, чем правило.

Тем не менее, кроме того, чтобы набить собственный кошелек деньгами, у правителей есть и другие важные причины держаться за пост. Самые важные из них – защита своего политического наследия и самосохранение. Первый пункт может показаться эгоистичным, и зачастую это правда, но не стоит забывать, что многие президенты и премьер-министры считают делом своей жизни масштабную национальную трансформацию. И, хотя их курс часто не

³⁶ George Packer. “Togo: The dictator’s new clothes”, *Dissent Magazine*, Fall (1985): 411–16.

³⁷ Grant Podelco. “You Crazy Dictator: Bread and Circuses in Turkmenistan”, *Atlantic*, 12 November 2012; доступно по адресу <https://www.theatlantic.com/international/archive/2012/11/you-crazy-dictator-bread-and-circuses-in-turkmenistan/265125> (дата обращения – 10 ноября 2017).

³⁸ Michela Wrong. *Our Turn to Eat: The Story of a Kenyan Whistleblower* (London: Fourth Estate, 2009).

³⁹ Известно, что цифры коррупции сложно определить точно. Transparency International утверждает, что Сани Абача украл \$3–5 млрд. за короткий период у власти, а за десятки лет из государственных бюджетных средств от нефти и других энергетических платежей не хватает несколько десятков миллиардов долларов. Один из ключевых цитируемых источников: Ignacio Jimu. “Managing proceeds of asset recovery: The case of Nigeria, Peru, the Philippines and Kazakhstan” *Basel Institute of Governance/ICAR Working Paper Series*, no. 6 (2009): 7.

⁴⁰ Alex Josey. *Lee Kuan Yew: The Crucial Years* (New York: Marshall Cavendish International Asia Pte, 2013).

выдерживает никакой критики и ложится тяжким бременем на население⁴¹, нельзя игнорировать, что многие руководители пришли к власти на фоне политического кризиса и потратили львиную долю времени правления, чтобы с ним справиться.

В некоторых случаях лидеры начинали во главе повстанческого движения, которое свергло предыдущую власть в ходе освободительной борьбы или гражданской войны, как в Уганде, Руанде или Зимбабве. В других случаях они захватили власть через государственный переворот, сместив предыдущего вождя в период экономической или политической нестабильности: военный переворот 2014 года в Таиланде, ситуация в Тунисе с 1987 года вплоть до «арабской весны». А бывает, что лидер вступает в должность после легитимных выборов, проведенных по итогам конфликта, и начинает сворачивать демократические права и свободы, когда теряет былую популярность. Эта тенденция наблюдалась в Анголе и Бурунди, а из недавних примеров – во многих странах Северной Африки. И наконец, есть немногочисленная, но заметная группа стран, таких как Беларусь, где люди доверили власть, казалось бы, прогрессивному лидеру в условиях постсоветского вакуума власти. Однако он быстро превратился в самовлюбленного деспота, не гнушающегося типичных методов советского режима, от которых собирался избавить страну⁴².

Что общего у этих случаев? Перечисленные президенты и премьер-министры не унаследовали власть, а пришли к ней самостоятельно, зачастую на фоне глубоких социальных потрясений. Лишь в редких случаях авторитарный режим длится так долго, что на данный момент представляет собой третье или четвертое поколение лидеров, которые уже не помнят, каково это – жить без властных привилегий, и поэтому не боятся потенциальных политических волнений⁴³. В результате многие автократические правительства, стоящие у власти сегодня, считают одной из своих главных задач сохранить политическую стабильность, поэтому они запускают масштабные программы во имя этой миссии. Разумеется, многие диктаторы проявили себя с худшей стороны, и разрушения, которые они нанесли, не объяснить подобной целью. А в ряде случаев стремление сохранить порядок послужило предлогом для репрессий против меньшинств и диссидентов. Но для таких лидеров, как Поль Кагаме в Руанде или Йовери Мусевени в Уганде, чьи страны еще помнят кровавые гражданские войны, объединение и стабильность – искренние стремления⁴⁴, пусть они и не оправдывают применяемых стратегий борьбы с противниками.

Это важный момент, поскольку стабильность является приоритетом не только для старых авторитарных лидеров. Опросы показывают, что во многих новых демократиях ее жаждут и сами граждане⁴⁵. Таким образом, когда руководители объясняют долгое правление тем, что нужно завершить возложенную обществом миссию и сберечь спокойствие страны, это часто задает людей за живое. На выходе мы получаем потрясающие парадоксы. К примеру, в афри-

⁴¹ Альтернативную точку зрения по вопросу о том, почему целый ряд авторитарных правительств не смогли улучшить качество жизни своих народов, см.: James C. Scott. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed* (New Haven, CT: Yale University Press, 1998).

⁴² Brian Bennett. *The Last Dictatorship in Europe: Belarus Under Lukashenko* (London: C. Hurst & Co., 2012): 219–30.

⁴³ Такая ситуация сложилась в целом ряде государств. 13 странами управляют лидеры, которые находятся у власти четверть века или больше, но в остальных ситуация другая.

⁴⁴ Holger Bernt Hansen and Michael Twaddle (eds). *From Chaos to Order: The Politics of Constitutionmaking in Uganda* (Kampala: Fountain Publishers, 1995); Nic Cheeseman, Gabrielle Lynch and Justin Willis. “Museveni’s NRM Party still Has Support in Rural Uganda”, *The East African*, 16 января 2016; <http://www.theeastafrican.co.ke/oped/comment/Museveni-NRM-party-still-has-huge-support-in-rural-uganda/434750-3036604-d65f7dz/index.html> (дата обращения – 15 декабря 2017).

⁴⁵ В африканском контексте бросается в глаза, что, когда граждан Ганы, Кении или Уганды спрашивали, что, по их мнению, является важнейшим фактором для свободных и честных выборов, самым популярным ответом был «мирный процесс». Тенденция ставить мир и стабильность выше конкурентности подтверждается исследованием, проведенным Africa Centre for Open Governance (AfriCOG) вскоре после выборов в Кении 2013 года: по мнению 50,9 % респондентов, «мир важнее, чем свободные и справедливые выборы». См.: Gabrielle Lynch, Nic Cheeseman and Justin Willis (forthcoming). “The Violence of Electoral Peace: The Ballot, Order and Authority in Africa”, *African Affairs*.

канском исследовании политических предпочтений «Afrobarometer» подавляющее большинство респондентов (67 %) высказалось за демократию и многопартийные выборы⁴⁶. В то же время они отметили, что доверяют президенту больше, чем какому-либо другому политическому институту (62,3 %), и в целом скептически относятся к роли, которую играет в обществе оппозиция (скажем, в южной части Африки лишь 38 % полагаются на оппозиционные партии)⁴⁷. По большому счету, это означает, что противники нынешней власти кажутся разрушительной силой, угрожающей хрупкому общественному равновесию.

Следующий мотив закрепить власть за собой на максимально долгий срок – это самосохранение. Во многих странах мира, застрявших в череде кризисов, уходить с поста руководителя весьма небезопасно. За последние 60 лет многие из тех, кто отошел от дел, оказались в тюрьме, изгнании или преждевременно отправились на тот свет. Как мы можем убедиться, в 1960–1970-х годах это был наиболее вероятный исход для отставных правителей в Африке, а в Латинской Америке печальная судьба постигла каждого третьего лидера, ушедшего на пенсию. С тех пор такие риски в Африке существенно снизились, но, несмотря на два десятилетия многопартийной политики⁴⁸, по-прежнему остались достаточно высокими. И эта мрачная перспектива демонстрирует, как дорого может обойтись автократу реформаторство.

На этом фоне выделяются три фактора, которые особенно мешают авторитарному правителю покинуть пост. Во-первых, физическое насилие против оппонентов существенно повышает вероятность того, что в случае падения режима соперники отомстят за страдания. Во-вторых, активы, накопленные во время авторитарного правления, зачастую имеют нелегальное либо как минимум сомнительное происхождение. В-третьих, авторитарные режимы успевают нарушить немало законов, что чревато судебными преследованиями за преступления прошлых лет – как в судах своей страны, так и в международных инстанциях вроде Международного уголовного суда (МУС). Суданский президент Омар аль-Башир, к примеру, осознает, что в случае отставки ему грозят судебные процессы в МУС за преступления против человечества. Отчасти поэтому он полон решимости остаться у власти⁴⁹. Эти три фактора объясняют, почему авторитарные управленцы редко покидают пост по собственной воле и идут на фальсификации выборов, чтобы продлить свои полномочия.

Немаловажно, что риски, связанные с потерей руководящей должности, весьма разнятся между регионами. Потенциальные потери от ухода гораздо выше, если между кланами элит и социальными группами низок уровень взаимного доверия, а институциональная система сдержек и противовесов недоразвита. У текущего лидера нет особых оснований считать, что политическая система защитит его интересы в случае, если к власти придет конкурент. Посмотрим на ситуацию Африки южнее Сахары, где целый ряд стран пострадал от ожесточенных политических конфликтов, насильственных авторитарных правительств и крайне слабых политических институтов. В результате этой опасной комбинации у нового лидера зачастую есть и мотивация, и все возможности, чтобы подвергнуть предшественников преследованиям. Это объясняет, почему у отставных африканских лидеров начиная с 1960-х годов риск быть уби-

⁴⁶ Robert Mattes and Michael Bratton. “Do Africans still Want Democracy? This New Report Gives a Qualified Yes”, Afrobarometer Working Paper no. 36 (2016): 4; <http://afrobarometer.org/blogs/do-africans-still-want-democracy-new-report-gives-qualified-yes> (дата обращения – 18 ноября 2017). Afrobarometer – регулярное национально-репрезентативное исследование, которое проводится в более чем 30 странах многократными раундами. Информацию о его методике и последние данные см.: Afrobarometer (2017); <http://www.afrobarometer.org> (дата обращения – 10 ноября 2017).

⁴⁷ Rorisang Lekalake. “Still No Alternative? Popular Views of the Opposition in Southern Africa’s One-Party Dominant Regimes”, Afrobarometer Working Paper no. 38 (2017): 3.

⁴⁸ Расчеты авторов, проведенные на основе Archigos Data Set (подробнее см. Приложение 1).

⁴⁹ Случай Судана см.: Lutz Oette. “Peace and Justice, or Neither? The Repercussions of the al-Bashir Case for International Criminal Justice in Africa and Beyond”, *Journal of International Criminal Justice* 8, no. 2 (2010): 345–64; более подробную дискуссию о том, почему обвинения Международного уголовного суда могут затруднить процесс отхода лидера от власти, см.: Mark Kersten. “The ICC and the Security Council: Just Say No?”, *Justice in Conflict*, 29 February; доступно по адресу <https://justiceinconflict.org/2012/02/29/the-icc-and-the-security-council-just-say-no/> (дата обращения – 15 декабря 2017).

тыми, посаженными в тюрьму или изгнанными превышает данный показатель для остальных регионов мира более чем в два раза⁵⁰. Глядя с этого ракурса, мы понимаем, что, с точки зрения африканских президентов, пожизненное правление – не просто мания величия, а еще и вполне закономерная реакция на политическую обстановку. Если бы их коллеги в других частях света сталкивались с аналогичными рисками, вероятно, они поступали бы так же.

То, как лидер воспринимает грозящие ему опасности, различается даже в соседних странах. Могут играть роль как особенности характера, так и судьба его предшественника. Например, на Гаити кровавые расправы над бывшими правителями – не редкость, а практически норма. С 1908 по 1915 год лидеров страны постигли, в порядке очередности, «изгнание, изгнание, подрыв бомбой, тюрьма, изгнание, казнь, изгнание» – и уж совсем шокирующая судьба: «проташен разъяренной толпой от французского посольства до железного забора, насажен на прутья и разорван на куски»⁵¹. При таком раскладе правители едва ли захотят уступить оппоненту, какова бы ни была цена сохранения власти. Электоральные фальсификации становятся понятным выбором, когда в противном случае тебе светит перспектива закончить жизнь насаженным на забор.

Неудивительно, что правители, над которыми нависает больше угроз в случае отставки, реже склонны к реформаторской деятельности. Это одна из причин, почему лидеры, долго стоящие у руля, с большей вероятностью пойдут на фальсификации. Пробыв на посту много лет, они успели многократно поучаствовать в коррупции и нарушениях прав человека. Кроме того, чем дальше, тем чаще они сталкиваются с народным запросом на перемены. Фальсификации выборов становятся не только желанием, но и насущной необходимостью. Поэтому не стоит удивляться, что с возрастом бывалые автократы не смягчают хватку, а напротив, готовятся преодолевать все новые преграды на пути к продлению полномочий.

Конечно, лидеры, которые проводят более прозрачные выборы, больше рискуют. Отсюда следует, что со временем концентрация жестких авторитарных режимов лишь растет. Но даже с этой оговоркой длительность правления очень влияет на ход выборов. Когда авторитарные лидеры находятся у власти приблизительно один электоральный цикл (около 5 лет), фальсифицируется 45 % голосований. Для тех, кто пробыл на посту семь циклов (35 лет), этот показатель возрастает до 65 % – на целых 20 процентных пунктов (см. Приложение 8).

Тем не менее, если лидеры хотят остаться у власти любой ценой, это им удастся, только если хватит ресурсов на оплату репрессивного силового аппарата. Как правило, правительству легче решить этот вопрос, когда существует стабильный денежный поток от продажи природных ресурсов. Он защищает от внутреннего и международного давления в сторону демократизации. По этой причине наблюдается высокая корреляция между нефтяными запасами и качеством демократии: очевидно, что, за исключением Норвегии и США, большинство нефтедобывающих стран авторитарны.

Чтобы получить более четкое представление о том, как нефть влияет на демократию, давайте сравним политические системы разных стран. Расставим государства по запасам нефти и по степени демократизации. На 20-балльной шкале, где –10 представляет чистую диктатуру, а +10 – чистую демократию, средняя страна со скудными или отсутствующими нефтяными доходами получит +4,2 балла. В то же время средняя страна, чьи нефтяные доходы составляют минимум 3 % ВВП, будет на отметке –2,4⁵².

⁵⁰ Информация из Archigos, набор данных по политическим лидерам. См.: Н. Е. Goemans, Kristian Gleditsch and Giacomo Chiozza. "Introducing Archigos: A Data Set of Political Leaders", *Journal of Peace Research* 46, no. 2 (2009): 169–83.

⁵¹ Harris Lentz. *Encyclopedia of Heads of States and Governments: 1900 through 1945* (Jefferson, NC: McFarland, 1999): 219.

⁵² Расчеты на основе индекса государственного устройства, а также анализа других стран, где на нефть приходится более 3 % ВВП, а также те, где нефть приносит меньше этого показателя. Баллы стран-нефтепроизводителей падают до уровня – 3.1, если не считать Норвегию – страну-исключение из «нефтяного правила».

Мы обнаружим аналогичный тренд, если сконцентрируемся непосредственно на проведении голосований. По шкале от 0 до 100, где 100 соответствует идеальным выборам, а 0 – безобразным, средняя нефтедобывающая держава заработает лишь 24 балла, что почти вдвое меньше результата стран, не торгующих нефтью. И действительно, за скупой статистикой мы можем найти многочисленные примеры авторитарных лидеров, которые смогли воспользоваться нефтью и прочими природными ресурсами, чтобы сопротивляться реформам и отгородиться от недовольства собственных граждан и международной критики⁵³. Нетрудно сделать выводы: от Анголы до Саудовской Аравии нефть и демократия взаимно отталкиваются, подобно нефти и воде.

Лидеры могут осилить оплату репрессий и другими способами. Если страна имеет геостратегическое значение для внешней политики крупных держав, ее правительство может успешно конвертировать свое удачное расположение в благоприятные международные связи. Такие разные по режиму страны, как Узбекистан, Пакистан и Таиланд, после атак 11 сентября 2001 года сотрудничали с США в рамках борьбы с терроризмом и благодаря этому избегали критики своей недемократической внутренней политики. Временами это лицемерие поражаало воображение: пока западные страны сближались с Узбекистаном для сотрудничества в сфере безопасности, активисты-правозащитники фиксировали огромные нарушения. В одном из случаев оппоненты режима были сварены заживо⁵⁴.

Аналогичный процесс разворачивался в Восточной Африке. Страны-союзники Америки в этом регионе поддерживали антитеррористические мероприятия на своей территории и на полуострове Сомали, а взамен избавляли себя от западной критики за скатывание в авторитаризм⁵⁵. В свою очередь, это открыло им доступ к международной финансовой помощи и позволило осилить стоимость репрессий. Наконец, нужно отметить, что лидеры, которые пользуются непрерываемым авторитетом, безусловно, лучше справляются с народным недовольством в долгосрочной перспективе, чем те, что фокусируются на силовом аппарате.

Для сравнения, период экономического упадка способен нанести фатальный удар по авторитарному режиму и помешать ему финансировать ключевые направления деятельности⁵⁶. Это особенно справедливо для стран, которые не настолько важны с геополитической точки зрения и вынуждены опираться на помощь Запада, например США или Всемирного банка, которые (временами) готовы поддерживать эффективное государственное управление. В таких условиях автократам приходится ограничивать себя, чтобы получить поток денег из-за рубежа. Нельзя гарантировать, что средства используются по прямому назначению, но все же международное давление может оказать влияние, и лидер решится на реформы, например на введение новой конституции, которая сужает его полномочия.

Учитывая общий вклад этих различных структурных и индивидуальных факторов, можно выделить ряд ситуаций, во время которых авторитарные руководители будут наиболее мотивированы держаться за власть: когда они считают, что их присутствие играет ключевую роль в сохранении политической стабильности; когда они менее склонны к многопартийной

⁵³ Информация из Center for Systemic Peace, Polity IV project, см. Приложение 1. См. также: Michael Ross. “Does oil hinder democracy?”, *World Politics* 53, no. 3 (2001): 325–61; Sarah M. Brooks and Marcus J. Kurtz. “Oil and Democracy: Endogenous Natural Resources and the Political ‘Resource Curse’”, *International Organizations* 70, no. 2 (2016): 279–311; и Anar K. Ahmadov. “Oil, democracy, and Context: A Meta-analysis”, *Comparative Political Studies* 47, no. 9 (2014): 1238–67.

⁵⁴ Human Rights Watch (9 August 2002), “Uzbekistan: Two Brutal Deaths in Custody”; <http://www.hrw.org/news/2002/08/09/uzbekistan-two-brutal-deaths-custody> (дата обращения – 10 ноября 2017); см. также: Thomas Carothers. “Promoting democracy and fighting terror”, *Foreign Affairs*, January/February 2003; <https://www.foreignaffairs.com/articles/2003-01-01/promoting-democracy-and-fighting-terror> (дата обращения – 10 ноября 2017).

⁵⁵ См., например: Beth Whitaker. “Compliance among Weak States: Africa and the Counter-terrorism Regime”, *Review of International Studies* 36, no. 3 (2010): 639–62.

⁵⁶ Свежие данные касательно роли экономических шоков в свержении диктаторов см.: Sergei Guriev and Daniel Treisman. “How Modern Dictators Survive: an Informational Theory of the New Authoritarianism”, National Bureau of Economic Research Working Paper no. 21136 (2015); <http://www.nber.org/papers/w21136> (дата обращения – 10 ноября 2017).

политике; когда успели поучаствовать в масштабной коррупции и/или нарушили права человека; когда не верят в возможность сотрудничества с соперниками и не доверяют политическим институтам; когда находятся у власти продолжительное время; и, наконец, когда контролируют стратегически важную территорию с природными ресурсами, мощными силовыми структурами, слабыми политическими институтами и высоким уровнем недоверия в обществе.

В дополнение подчеркнем, что часть затрат на репрессии либо реформы остаются неизменными, но определенная доля таких затрат зависит от целого ряда внутренних и внешних игроков, а значит, может возрастать или уменьшаться за сравнительно короткий срок. Например, более сплоченная оппозиционная коалиция может вынудить лидера предпринять больший объем репрессий и фальсификаций ради сохранения власти. Следовательно, эти стратегии обойдутся главе государства дороже. Аналогично этому, если международное сообщество организует более эффективное наблюдение на выборах и более четко заявит о негативных последствиях возможных фальсификаций, текущему руководителю окажутся не по карману такие варианты. На этом фоне реформы станут выглядеть более выгодной альтернативой.

Таким образом, стратегии ключевых внутренних и международных движущих сил могут склонять чашу весов в одну либо другую сторону и менять уравнение, стоящее перед авторитарным президентом или премьер-министром. Исходя из этого, можно планировать более эффективные политические стратегии и международные вмешательства, которые повысят уровень проводимых выборов. Однако, как мы убедимся в дальнейших главах, это непростая задача. Авторитарные лидеры не только располагают целым рядом инструментов для разобщения оппозиции, но и умело используют международных партнеров, даже в отсутствие природных ресурсов и геостратегического влияния.

Арсенал авторитарного лидера

В данной книге мы демонстрируем, как правительства, настроенные на репрессии вместо реформ, фальсифицируют выборы и как диктаторам удается не только выходить сухими из воды, но и укреплять свою власть. Великая ирония нашего времени заключается в том, что во многих странах распространение выборов не привело к смещению деспотической власти, а упрочило ее позиции. Как мы уже отмечали и снова вернемся к этому в заключении книги, так происходит, потому что выборы создают иллюзию легитимности, тем самым открывая доступ к международной финансовой помощи, и помогают правительству в широкой мере воспользоваться механизмами, разобщающими оппозицию.

Если у вас за плечами нет богатого опыта наблюдения на выборах, часть историй о фальсификациях в следующих главах, скорее всего, удивит и возмутит вас. Одни тактики поражают оригинальностью, другие – дерзостью. В Мадагаскаре оппозиционному лидеру не дали посадить самолет. В Либерии объявили результат подсчета голосов, в котором было в 17 раз больше бюллетеней, чем зарегистрированных в стране избирателей. В Пакистане убили крупнейшего лидера оппозиции. В Беларуси госслужащие получали прямые указания о количестве голосов, которые диктатор ожидает увидеть в итоговом отчете. А в Экваториальной Гвинее чиновника избирательного комитета заставили подписать протокол с официальным результатом под дулом пистолета.

Но, как покажет последующий анализ, зачастую самыми эффективными являются тонкие электоральные манипуляции. Поэтому важно изучить механизмы фальсификаций во всей их полноте и разнообразии – как по различным регионам, так и по историческим периодам. Скажем, оппозиция до сих пор прискорбно часто подвергается физическому насилию, запугиванию и преследованиям, однако доля таких случаев сократилась с 30 % в 1992–1996 годах до 23 % в 2012–2016. В то же время распространенность подкупа избирателей остается стабильно высокой, едва изменившись – с 40,3 % в 1991–1995 годах до 39,9 % в 2011–2015. (см. Приложение 14). Частично это объясняется тем, что, с точки зрения лидера, откровенное насилие влечет особенно высокие репутационные потери как внутри страны, так и в международном сообществе, а также снижает доверие к результатам выборов. В то же время подкуп избирателей – зачастую настолько обыденное явление, что редко вызывает осуждение со стороны журналистов и наблюдательских организаций. В таком контексте у авторитарного лидера появляется сильная мотивация заменить силовые формы влияния более мягкими выборами, насколько это возможно.

Если посмотреть на наши данные в другом разрезе, мы обнаружим аналогичные тенденции в плане географических особенностей. Скупка голосов все еще часто встречается в большинстве стран мира, но доля существенно разнится. Например, в странах Африки южнее Сахары более двух третей выборов в 2012–2016 годах прошли со значительным электоральным подкупом, а в других регионах показатель оказался гораздо ниже – например, 29 % на Ближнем Востоке и 36 % в Латинской Америке (см. Приложение 14). Эти различия отчасти относятся к разному уровню социально-экономического развития и к ожиданиям избирателей по оплате их поддержки. К примеру, в большинстве африканских стран голос в среднем обходится дешевле (\$1–5), чем в Латинской Америке (\$5–15), поэтому для кандидатов, баллотирующихся в Африке, такая стратегия менее разорительна⁵⁷. Однако эти схемы также берут

---

⁵⁷ Получить хорошую информацию о стоимости подкупа сложно, поскольку она отличается по стране и хранится в секрете как теми, кто дает взятку, так и теми, кто ее получает. Однако редкие свидетельства позволяют предположить, что существует большая региональная вариативность. Например, на последних нигерийских выборах типичный подкуп оценивается примерно в 500 нигерийских найр (\$3). См.: Michael Bratton. “Vote buying and violence in Nigerian election campaigns”, *Electoral Studies* 27, no. 4 (2008): 621–32. Напротив, в Колумбии, по разным свидетельствам, платят от \$8 до \$65 за голос. См.: Ivana

начало в исторической эволюции политического процесса. Если в местных нормах закреплена раздача «приятных мелочей», то они могут даже не восприниматься в качестве подкупа. Применяя скупку голосов в таком контексте, кандидат получит больше пользы и меньше риска.

По ходу нашего повествования мы обсудим различные стратегии в распоряжении фальшивых демократов, объясним баланс издержек и выгод, а также предположим, когда они вероятнее всего будут использоваться. Другими словами, наша цель – не стричь все авторитарные правительства под одну гребенку, а выяснить, какой ассортимент стратегий у них есть и почему они выбирают тот или иной инструмент.

В последующих шести главах мы демонстрируем основные методы, которые используют авторитарные лидеры, чтобы склонить весы в свою пользу, в том порядке, в котором их обычно применяют в реальном мире. Таким образом, мы начнем с заблаговременных мер, предпринимаемых задолго до дня голосования, а закончим экстренными тактиками, с помощью которых можно украсть голоса в последний момент, когда бюллетени уже брошены в урны.

Мы расскажем о старинных стратегиях, таких как перекройка границ избирательных округов, существующая несколько веков, а также о переднем крае фальсификаций – онлайн-дезинформации (фейк-ньюз), которая разрушает репутацию оппонента и заставляет избирателей отдать предпочтение текущей власти. В некоторых случаях мы также обращаем внимание на то, что новшества на поверку оказываются вполне традиционным явлением. К примеру, часто считается, что распространение сфабрикованной информации через социальные сети всерьез началось с американских выборов 2016 года, в которых победил Дональд Трамп⁵⁸. Но такой взгляд неполон без учета давней истории фабрикации документов и новостей – как на Западе, так и за его пределами⁵⁹.

Зачастую меняются не сами методы, а их воплощение. Если в двух словах, то оно стало более продуманным и пугающим. В ходе кенийских выборов в 2007 году развернулась кампания по дискредитации оппозиционного кандидата Раилы Одингги. Был тщательно сфабрикован объемистый «Меморандум согласия», который он якобы подписал с мусульманскими лидерами, чтобы превратить Кению в шариатское государство. Документ выглядел правдоподобно и содержал личную подпись оппозиционного лидера. Однако оказалось, что это изощренная клевета: Одингга лишь заключил соглашение о том, чтобы инвестировать больше правительственных доходов в прибрежные районы страны (где проживает большинство мусульман), которые были давно заброшены в экономическом и политическом отношении⁶⁰.

Очевидно, что старые стратегии обновляются в соответствии с нынешними реалиями. Но также верно и то, что информационная война начинает занимать центральное место в электоральных фальсификациях, и цифровые битвы закипят на долгие годы. Начиная от хакерских атак и заканчивая фейковыми новостями, виртуальная среда все больше угрожает демократическим принципам: сегодня у автократов как никогда много способов манипулировать общественным мнением, чтобы повлиять на решение избирателей.

Mellers. “The Cost of Corruption”, *Americas Quarterly* (2016). Аналогично, в 2013 году на всеобщих выборах в Гондурасе стоимость подкупа варьировала от \$5 до \$25. См.: Jason Wallach. “Anatomy of Election Fraud: Stealing the 2013 Honduran Election in Five Simple Steps”, *Foreign Policy in Focus*, 19 December 2013; <http://fpif.org/anatomy-election-fraud-stealing-2013-honduran-election-five-simple-steps> (дата обращения – 10 ноября 2017). Разумеется, стоимость подкупа также зависит от дохода кандидатов и количества денег, которое отведено на кампанию. Как мы обсуждаем в книге, есть основания полагать, что бюджеты африканских кампаний очень высоки и сравнимы с латиноамериканскими.

⁵⁸ См., например: Fook Kwang Han. “The Rise of Trump and its Global Implications: America at War with Itself”, *RSIS Commentary* no. 27, 10 February 2017; <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2017/02/CO17027.pdf> (дата обращения – 10 ноября 2017).

⁵⁹ Joanna M. Burkhardt. “History of Fake News”, *Library Technology Reports* 53, no. 8 (2017): 5–9.

⁶⁰ Nic Cheeseman. “The Kenyan Elections of 2007: an Introduction”, *Journal of Eastern African Studies* 2, no. 2 (2008): 166–84, 169; BBC News, “Kenya Muslims Deny Sharia Claims”, 27 November 2007; <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/africa/7115387.stm> (дата обращения – 5 декабря 2007).

Большинство случаев, описанных в книге, относятся к категории фальшивых демократий, где лидеры очевидно полагаются на подтасовку выборов, чтобы остаться у власти. Тем не менее мы также вспоминаем исторические примеры стран, которые некогда кишели фальсификациями, но сегодня проводят высококачественные выборы. А порой весьма продвинутые методы фальсификаций бывают замечены в странах, которые по прочим показателям относятся к развитым демократиям. Мы раскидываем сети так широко по трем причинам. Во-первых, историческая перспектива часто необходима, чтобы объяснить появление и эволюцию того или иного метода фальсификаций, – это позволяет полностью понять его работу. Во-вторых, глядя на контекст, мы еще раз вспоминаем, что электоральные манипуляции не знают национальности. Они свойственны не только африканским, азиатским или латиноамериканским странам – в тот или иной период они применялись во всех частях света.

В-третьих, некоторые из этих порочных практик и сегодня дают о себе знать в Европе и Северной Америке. Самый наглядный пример – строгие требования по предоставлению информации для того, чтобы зарегистрировать избирателя. Такое условие заметно отпугивает сторонников оппозиции и существенно влияет на выборы в США, причем за последние годы эта практика лишь усугубилась.

Разумеется, главной темой нашей книги является борьба авторитарных лидеров за сохранение власти, но все же не будем забывать, что нынешний демократический спад коснулся многих стран, включая развитые демократии. В частности, в 2016 году аналитический отдел журнала «The Economist» понизил оценку США с «полноценной демократии» до «демократии с изъянами». Основанием послужило падение доверия к ключевым демократическим институтам и выборным должностям⁶¹. Примечательно, что (специалисты особо подчеркивали это) падение произошло не из-за Дональда Трампа, пришедшего к власти уже после периода, который они анализировали⁶². Эрозия американской демократии шла еще до того, как он стал президентом. Поэтому уроки, изложенные на страницах этой книги, относятся не только к развивающимся странам или к странам третьей волны демократизации. Увы, демократически настроенные участники выборов в США и Европе тоже извлекут из этих уроков пользу в ближайшие годы.

И наконец, последний аргумент за изучение исторического опыта и широкие сравнения – это возможность понять, как целому ряду стран удалось серьезно перестроить политическую систему в демократическом направлении и обуздать разгул фальсификаций. Таким образом, мы выведем условия, при которых воспроизводить авторитарный режим станет труднее.

---

⁶¹ EIU различает четыре категории стран: полные демократии, где наблюдаются лишь отдельные проблемы в демократических функциях; демократии с изъяном, где имеются существенные недостатки; гибридные режимы, где нарушения часто ставят крест на свободе и справедливости выборов; и авторитарные режимы, в которых плюрализм либо исчез вовсе, либо крайне ограничен. См.: “Revenge of the Deplorables: The 2016 Democracy Index Report”, Economist Intelligence Unit (2016); http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2016 (дата обращения – 11 ноября 2017).

⁶² “Declining Trust in Government is Denting Democracy”, *The Economist*, 25 января 2017; <http://www.economist.com/blogs/graphicdetail/2017/01/daily-chart-20> (дата обращения – 11 ноября 2017).

Укрепление демократии

Выводы, сделанные в этой книге, подчеркивают, насколько хрупка избирательная система и как важно не путать декоративные выборы с подлинно демократическими. Наши итоги также демонстрируют роль, которую играет международное сообщество в легитимизации и поддержке авторитарных правительств, несмотря на бесконечные заявления о защите прав человека.

Уязвимости и слабости выборного процесса в самых разных частях света поднимают один из важнейших вопросов нашего времени: что мы можем сделать для укрепления демократии? Если мы хотим предотвратить электоральные манипуляции, нам нужно гораздо лучше разбираться в арсенале средств, доступном автократам. Кроме того, мы должны стать внимательнее к новым тактикам, позволяющим прятать диктатуру за ширмой демократии.

Хотя наша книга посвящена тому, как имитация демократии укрепляет авторитарные режимы, мы отнюдь не настроены пессимистично. Не все фальшивые демократии преуспевают. Авторитарные лидеры проиграли выборы в целом ряде стран – во многом благодаря тому, что шесть стратегий, описанных в нашей книге, им не удалось, либо кто-то помешал их воплотить. Как мы уже отмечали, более конкурентные авторитарные режимы чаще приходят к трансферу власти и меняются в сторону более демократичных практик.

Опираясь на разбор конкретных случаев, мы объясняем, как можно повысить качество выборов и бросить вызов устоявшейся власти автократов. Часть выводов нам уже знакома. Самый очевидный: автократу труднее заручаться поддержкой окружения во время экономического спада, следовательно, финансовые проблемы подрывают основу его власти. Международное сообщество может занять более последовательную и целенаправленную позицию в плане необходимости реформ, что помешает авторитарным лидерам заранее обеспечить себе победу путем фальсификаций. А формирование сплоченных оппозиционных коалиций позволит объединить сторонников и ресурсы, чтобы выстроить более прочную политическую структуру, на которую не подействует стратегия «разделяй и властвуй».

Есть и менее очевидный вывод: даже серьезные фальсификации при определенных условиях не гарантируют, что все пройдет гладко. Например, выборы вероятнее принесут реальные перемены, если правящая партия будет вынуждена баллотироваться с новым лидером⁶³. Так происходит, потому что авторитарные партии с трудом справляются с передачей руководства – например, когда прежний лидер умирает, серьезно заболевает, вынужден уйти с поста после окончания срока полномочий или подать в отставку из-за скандала. В результате временно образовавшегося вакуума у оппозиции появляется окно возможностей.

И наконец, уходящие президенты порой задумываются о своем наследии, а с преемниками отношения складываются не всегда позитивно. Это значит, что они с меньшей вероятностью станут применять весь набор рычагов ради победы своей партии – ведь плоды трудов пожнут уже не они. Если сложить эти процессы воедино, получится, что оппозиционная партия имеет гораздо больше шансов, когда текущий лидер отступает в сторону. С этим связан следующий вывод: поражение автократа зависит не только от неэффективного управления внутри правящей партии, но и от силы и сплоченности оппозиции. Оппоненты режима порой одерживают электоральную победу, но преимущества нахождения у власти таковы, что чаще оппозиция проигрывает.

Конечно, нет гарантии, что в случае победы конкурирующая партия окажется демократичнее, чем текущее правительство. Но в некоторых случаях смена правительства влечет за

---

⁶³ Цит. по: Cheeseman (2010), “African Elections as Vehicles for Change”.

собой период политического реформаторства, а оно, в свою очередь, в долгосрочной перспективе повышает уровень выборов и демократии в целом.

В эту битву стоит вложиться даже тем, кто сомневается в ценности демократии самой по себе или в важности выборов. Как мы еще обсудим в заключении, растущий объем исследований демонстрирует, что конкурентные выборы способны запустить в стране целый ряд позитивных изменений, таких как государственное финансирование образования и поддержка других общественных институтов, причем в таких разных регионах, как Латинская Америка и Африка южнее Сахары⁶⁴. Продвижение более открытых и качественных выборов идет на пользу всему, начиная от прав человека и заканчивая развитием городов.

Но прежде чем перейти к этой теме, нам нужно ответить на обманчиво простой и чрезвычайно важный вопрос: как фальсифицируются выборы?

---

⁶⁴ Данные по образованию см.: Robin Harding and David Stasavage. “What Democracy Does (and Doesn’t Do) for Basic Services: School Fees, School Inputs, and African Elections”, *Journal of Politics* 76, no. 1 (2013): 229–45. Более подробно эти вопросы обсуждаются в заключении.

Глава 1. Невидимая подтасовка

Как украсть выборы и не попасться

Самый умный способ сфальсифицировать выборы – сделать это еще до того, как напечатать избирательные бюллетени. Если вам приходится нанимать подручных и устраивать танцы вокруг избирательных урн, считайте, что задача провалена. Сегодня передовые автократы обеспечивают себе победу задолго до дня голосования.

Российские политики уже давно взяли на вооружение этот принцип. В 1998 году проходили новые выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга. Действующий депутат Олег Сергеев начал угрожать политическому доминированию губернатора Владимира Яковлева. Яковлев, будучи популистом в полуавторитарной политической системе, со всей серьезностью отнесся к оппоненту. Зная о неразвитости гражданского общества и непоследовательности применения законов, он, судя по всему, решил нейтрализовать тех, кто посмел бросить ему вызов. И когда Сергеев заявил о выдвижении на новый депутатский срок, к его удивлению, в списке кандидатов оказалось еще двое Олегов Сергеевых – пенсионер и безработный. Ни у одного из них не было навыков для работы в парламенте. Они были выбраны исключительно из-за своего имени. Когда избиратели получали в руки бюллетень, они не знали, который из Сергеевых – их кандидат. Многие отметили не того, как и было запланировано⁶⁵, ⁶⁶.

Хотя эта остроумная форма фальсификации заставляет улыбнуться, обычно в предвыборных манипуляциях мало веселого. Как мы убедимся в следующих главах, фальшивые демократии используют целый ряд стратегий удержания власти, которые негативно сказываются на социальной и политической жизни страны, включая покупку голосов (глава 2) и прямое насилие (глава 3). Действительно, еще до появления двух подставных тезок против Сергеева были задействованы более устрашающие тактики. Неизвестные лица напали на него с резиновыми дубинками и избили до полусмерти, сломав ребра и проломив череп. Он еле выжил и два месяца восстанавливался в больнице. Когда режиму не удалось убить или запугать Сергеева, в ход пошел отвлекающий маневр⁶⁷.

Во время той же избирательной кампании с противодействием столкнулись и другие кандидаты. По правилам выдвижения каждый из них должен предоставить необходимое количество подписей, чтобы продемонстрировать народную поддержку. Это означает, что, если не дать кандидату собрать достаточно имен на подписных листах, это может помешать его регистрации. С этой целью бандиты, связанные с правящей партией, напали в лифте на женщину, собиравшую подписи за выдвижение одного поэта. Она очнулась с переломанными ребрами, однако кошелек был при ней. Единственное, что пропало, – папка с собранными подписями⁶⁸.

---

⁶⁵ Несмотря на это, Олег Сергеев прошел в Законодательное собрание второго созыва. – *Прим. пер.*

⁶⁶ Brian Whitmore. “St Pete Poll Plays Double Jeopardy”, *Moscow Times*, 6 October 1998.

⁶⁷ Brian Whitmore. “St Petersburg’s Reformers Battle a Russian Tammany Hall”, Jamestown Foundation, 13 November 1998.

⁶⁸ Whitmore (1998), “St Pete Poll Plays Double Jeopardy”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.